

Прошло две недели с тех пор, как они вернулись в поместье Поттеров, и они были заняты. Первую неделю она провела, прочесывая библиотеку Поттеров в поисках справочных материалов по всему, чему ей нужно было научить Гарри, чтобы он мог выполнять свою роль лорда Поттера-Блэка. Затем она расставила приоритеты в том, что ему нужно было знать, в соответствии с планами, которые у него были, когда он начал свою кампанию против статус-кво волшебного мира. Парламентские процедуры Визенгамота были первыми; он планировал почти немедленно начать пытаться пересмотреть систему законов, которая так препятствовала эволюции и продвижению магического мира.

Как ни удивительно для Гарри, этикет был вторым в списке, от того, как приветствовать кого-то официально или неформально, до того, как есть официальный ужин; как взаимодействовать с начальством, хотя в социальной структуре Гарри таких было немного, со сверстниками и подчиненными. Открытие того, насколько широко распространен надлежащий этикет в магическом мире, безмерно встревожило его.

Чтобы развеять скуку от этих предметов первой необходимости, у нее были перерывы, во время которых они затрагивали другие темы, такие как структура семьи, от ближайших родственников до расширенных кланов, и как, среди прочего, определяется ранг и власть в семье. Процедуры дуэлей были еще одним, к которому он проявлял гораздо больший интерес.

Брачные контракты и их различные типы входили в список тем, с которыми она планировала познакомить его, а также законы, регулирующие, сколько жен у кого-то может быть и почему. Она была уверена, что ему будет что сказать, когда он узнает, что как глава двух благородных семей и последний оставшийся в живых мужчина, передавший по наследству имя одной из них, он имеет право и, как ожидается, возьмет две. Она также была уверена, что предложений будет много.

Ей также придется научить его способам привлечения союзников для его дела. Он был почти уверен, что лорд Лонгботтом и леди Боунс сделают это, но это было только начало; ему нужно было привлечь на свою сторону еще многих, и способов сделать это было много и разнообразно. Ей придется научить его всему этому. К счастью, она могла помогать ему в этом в каждом конкретном случае по мере необходимости.

Помимо союзников, ему нужно было бы знать о своих врагах и тех, кто стоял посередине; кем они были, как они думали, чего они хотели, их союзах, врагах и друзьях, что они сделали и были готовы сделать, у кого была власть и те, кто хотел ее получить. Кто с кем был связан и каким образом, было почти так же важно, как и их союзы, поскольку в некоторых случаях союз был строго семейным, а в других семья могла быть по обе стороны конфликта.

В его предстоящей кампании по обнищанию некоторых из его врагов знание того, откуда они берут свои деньги, было так же важно, как и то, что они с ними делают. Знание того, кто владеет каким бизнесом, кто является партнерами или просто инвесторами, откуда поступают их материалы и где их получают поставщики, было крайне необходимой информацией.

Гарри нужно было знать много информации, и у нее было меньше пяти месяцев, чтобы научить его тому, на что обычно уходят годы, чтобы обучить наследника семьи. Гарри не был доволен или полон энтузиазма, когда она изложила свои запланированные уроки. Однако до сих пор он был очень прилежен и серьезно относился к учебе. Как он заметил, когда чудовищность того, с чем он столкнулся, наконец, поразила его: "В отличие от урока истории Биннса, я не могу заснуть на этом".

Он, или, скорее, Серый Человек, тоже выходил по ночам, чтобы сделать то, о чем она понятия

Услышав тихое слово, она повернула голову и посмотрела в зеленые, очень зеленые глаза. Гарри? Гарри. "Гарри".

Она увидела, как он улыбнулся с облегчением, когда наклонился вперед. "Выпей это, Цисса". Он протянул флакон и поднес его к ее губам одной рукой, а другой помог ей поднять голову, пока она пила; успокаивающий напиток, судя по вкусу. Зачем успокаивающее?

"Что происходит, Гарри?" спросила она в замешательстве. "Почему я здесь?"

Он посмотрел на нее с беспокойством. "Цисса, что ты помнишь? Что случилось?"

Что она помнила? Она была в обеденном алькове, читала "Пророк". Была еще одна история о ней, которая показалась ей забавной, а потом...

Она ахнула и попыталась сесть, когда руки Гарри удержали ее. "Она жива! Гарри, она жива!" Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, сердце начинает бешено колотиться, подступает истерика, когда она попыталась сообщить Гарри эту новость. "Гарри, она жива. О, Мерлин, что мне делать? Я позволил Белле сделать это, я не пытался остановить ее, о Мерлин, я должен заставить ее понять, я должен был, я должен был!"

Гарри склонился над ней, поглаживая по щеке, пытаясь успокоить. Зелье помогало, говорила ей небольшая часть ее разума, иначе она бы кричала и билась в истерике, но, несмотря на это, ее эмоции угрожали подавить даже это.

"ТСССССС! ТССС! "Цисса, все в порядке! ТССС!" Она смотрела ему в глаза, слушая его слова, и это помогло. Она знала, что он был неправ, все никогда не могло быть хорошо, но слова действительно помогли.

"Гарри, я видела ее! Это была мисс Грейнджер, она жива!" Она пыталась сказать ему более спокойным голосом, но он качал головой.

"Это была не она, Цисса, поверь мне, я знаю: это была не Гермиона".

Она посмотрела на него в замешательстве. Откуда он мог это знать? Это была она! Это было так! Она почувствовала, как слезы текут по ее лицу, когда она кивнула, пытаясь сказать ему, что это так. А потом он сказал то, что почти уничтожило ее.

"Это была ее мать".

Она в ужасе уставилась на него. нет! Этого не могло быть! Нет, только не она, пожалуйста, пусть это будет не она! "Нет, Гарри! Нет, нет, нет, пожалуйста, нет, что я сделала, что я сделала с ее дочерью, чему я позволила случиться, нет, пожалуйста..." Она начала всхлипывать, когда он взял ее лицо в ладони.

"Цисса, все в порядке, она понимает. Она знает, почему ты это сделал. Все в порядке." Его голос был теплым и успокаивающим и абсолютно не подействовал на нее.

Она покачала головой. "Нет, она не может, как она могла?" Она плакала от боли, не в силах поверить, что какая-либо мать может простить ее за то, что она позволила случиться.

"Потому что ты сделал это, чтобы защитить своего сына".

Она резко повернула голову, широко раскрыв глаза от ужаса, к источнику нового голоса, когда

почувствовала, как кровать позади нее сдвинулась, когда кто-то сел на нее. Ее легкие сжались и отказывались позволять ей дышать, сердце бешено колотилось, когда она смотрела на то, что, как она теперь поняла, было более старой версией лица из ее ночных кошмаров, лица, которое необъяснимо улыбалось заботливо и озабоченно.

Голос молодой женщины стал громче, когда крики возобновились.

"Я прощаю тебя, Нарцисса".

Слова с таким же успехом могли быть на иностранном языке, насколько она их понимала. Она, должно быть, неправильно расслышала, это не могло быть тем, что она услышала. Как ее можно простить? "нет! Ты не можешь простить меня, как ты можешь простить меня? Я стояла в стороне и позволяла своей сестре мучить вашу дочь! Как вы можете простить это?" Она плакала, когда понимание покинуло ее.

Она вздрогнула, когда женщина протянула руку и приложила ладонь к ее щеке. "Потому что ты делала только то, что сделала бы любая мать, ты защищала своего ребенка. Я бы сделала все, чтобы защитить Гермину, как я могу винить тебя за то, что ты делаешь то же самое для своего сына? Как я могу не простить тебя?"

Крики затихли, когда шлюзы были перекрыты, и с отчаянным воплем она не выдержала и заплакала, всхлипывая, как ребенок, обмякшая и беспомощная, когда заботливые руки заключили ее в свои объятия. Нежные руки гладили ее по голове в успокаивающем жесте, пока она безудержно плакала на груди другой женщины. Она едва чувствовала покачивание, когда выплескивала свою боль и мучения, едва слышала тихое жужжание, когда ее слезы смывали большую часть вины, которую она чувствовала.

Она плакала очень долго.

<http://erolate.com/book/4131/120077>